

Ирина Ратушинская

Ангелы, ангелы, спойте вместе со мной

Жила-была в Одессе девочка Ира Ратушинская. Училась в 107 школе на Толстого. Писала стихи. Папа – инженер, мама – учительница русского языка. Девочка веселая, с отличным чувством юмора. В университете, естественно, увлеклась КВНом, все как у людей...

Но она много читала. Но она много думала. И стихи выходили совсем не кавээновские, а грустные. А еще она с раннего детства дружила с мальчиком – Игорем Геращенко, он жил в Киеве, и единственно, про что вечно спорили, – какой город лучше: Одесса или Киев...

Игорь перепечатывал самиздат. Так что в круг чтения попали и Оруэлл, и Солженицын, и Сахаров...

В 1979 году Ира Ратушинская обвенчалась с Игорем Геращенко и переехала в Киев. Как видно, тогда она и попала под наблюдение КГБ.

В ссылку послали Сахарова, якобы по просьбе трудящихся. Ирина написала письмо в Москву, в Кремль с протестом.

Ребячество? Нет, позиция.

– Мы не могли им помешать делать мерзости, – рассказывала Ира, – но мы лишали их права делать это от нашего имени. Чтоб потом своим детям в глаза было не стыдно посмотреть.

Таких акций было несколько. И вот пришли из КГБ с обыском. Ничего не нашли, кроме стихов Ратушинской. И пять стихотворений объявляются антисоветскими. На вопросы следствия она вообще не отвечает. Ее «дело» разрабатывают в Одессе, Киеве, Москве. Допрашивают знакомых. И тут можно порадоваться. Да, это уже не тридцатые. Никто не дал обвинительных показаний. Но все равно: за стихи – семь лет лишения свободы и пять лет ссылки. Отбывала срок в женской колонии строгого режима для особо опасных преступниц. В Мордовии.

Не буду про это рассказывать. У кого хватит сил, прочитайте автобиографическую книгу Ратушинской «Серый – цвет надежды».

Ее пытались ломать и в лагере. Протесты Пен-клуба, статьи в газетах мира. Все это раздражало гэбэшных начальников. От Ратушинской требовали прощения о помиловании, а значит, признания вины. Держали в карцере. Она болела. Сказали, что никогда не станет матерью. Но не подавили. И стихи писала в зоне. Веселые. И даже издевательскую кулинарную книгу про зековский прокорм.

А в США, в Англии выходили ее книги. С предисловием Иосифа Бродского, со статьей Василия Аксенова. Потом в Одессе мы издали ее книгу, автор дала разрешение, хоть еще жила с детьми в Англии.

Ирина Ратушинская умерла в Москве в 2017 году. Ее неопубликованные стихи прислал нам ее сын Сергей Герашенко.

Евгений Голубовский

В маленький домик с зеленой трубой

В маленький домик с зеленой трубой
Кот мой ушел и зовет за собой.
Миску поставить, налить молока.
Я ненадолго, наверно.
Пока.

Дальше-дальше в долину

Дальше-дальше в долину, где травы и облака,
Где большие аисты по ветрам плывут.
Тише-тише, сердце, не узнавай пока
Этих странных мест и не считай минут.
Пусть река по спинам гладит камешки дна,
Пусть колышутся контуры берегов.
Омела на серых ивах, и тишина.
Только смех как будто слышен с дальних лугов.
Легче блика скользит по воде сосновый челнок,
Что-то с кручи шепнул одичавший сад.
А в речном песке – знакомый синий совок,
Тот, что был забыт в песочнице жизнь назад.
Дальше-дальше, не рви невидимую нить.
Вспомни-вспомни, куда река выносит в этом краю.
И не надо дважды входить, просто плыть и плыть,
Пропуская сквозь пальцы ласковую струю.
Бросит кислой ягодой тот, кто сидит в норе,
Брызнет радугой кто-то из глубины.
Если солнце зашло – еще не конец игре,
Пوماши рукой тому, кто глядит с луны.
Ни к чему спешить, ведь еще совсем не темно,
Вон за сумраком свет – золотой каймой.
Все равно ты придешь туда, где горит окно.
Ну, чуть-чуть поругают за то, что поздно домой.

Над грохотом сфер мы не властны

Над грохотом сфер мы не властны,
С кругов не сорваться ветрам,
Но скрипка вступает – так ясно,
Как юная девочка в храм.

Весь мир разделен и поделен.
Нелепо грустить не о том.
Но скрипка вступает,
Как зелень
Вступает в заброшенный дом.

Мой город фальшиво спокоен.
Лишь сдавленный плач за стеной.
Но скрипка вступает,
Как воин
Вступает в решающий бой.

Пусть ноты в пожаре сгорели,
Оркестра собрать не смогли,
Но скрипка вступает апрелем
В озябшую душу Земли.

Вселенную вспять не завертит.
Конец – у любого пути.
Но скрипка вступает в бессмертье.
И мы уступаем бессмертью,
И это не больно.
Почти.

Про енота

Гуси улетели
В теплые края,
Вот и обезгусела
Улица моя.

Мишки по берлогам
До весны лежат,
Не видать на улице
Шустрых медвежат.

Вмерзли в лед лягушки,
Им не привыкать.
Некому по улице
Квакать и скакать.

Люди да машины,
Ни ежа вокруг.
Зимняя резина –
Наш тамбовский друг.

Радоваться нечему,
Но гляжу – идет
Прямо мне навстречу
Маленький енот.

Он под ветром ежится,
Сделав храбрый вид.
Но такая рожица
На меня глядит,

Что понятно сразу,
Кто из нас попал.
Полезай за пазуху,
Маленький нахал!

Это зверь нешуточный,
Знаю наперед.
Суперкруглосуточный
У него завод.

Он охоч до ласки,
Он мастеровит,

Он дневные пляски
Ночью повторит.
Вот теперь уж точно
Мне не до тоски.
Он мне прополощет
Вещи и мозги.
Но хандрить и хмуриться
Я не стану впредь:
Приблудился с улицы
Все же не медведь.

Сегодня душа моя – старое кресло

Сегодня душа моя – старое кресло,
Которое кошки скребут.
Тщета бытия отовсюду полезла
Напомнить, что здесь вам – не тут.

Январские сумерки в серенькой вате,
Тоска на зубах, как песок.
Унылый бабайка сидит под кроватью,
Жуя одинокий носок.

И ходики хищно стрекочут за стенкой,
Пытаются век развинтить.
Кому бы, кому бы последней печенькой
По-дружески в глаз засветить?

Анна

Сколько ангелов у Анны
На конце иглы?

Там, за вихрями
звездного молока –
Дикий камень да бурелом,
Но счастливый дракон там пробьет облака,
Разминая волю крылом.
Неумело и грубо
вода запоет,
Прорываясь из берегов.
Не скули, бессонное сердце мое:
Нам почти не осталось долгов.
Слишком мелок шрифтом
последний счет,
А в июне заря высока.
И зеленое озеро молча ждет
Поцелуя
То ли глотка.

У стихов, как у кошек, наглые морды

У стихов, как у кошек, наглые морды.
И они разбежались гулять по марту.

Не мани их миской сухого корма.
Не бросай в них тапком: испортишь карму.

Если шляются где-то – тебе же лучше:
Не в твоём доме полетели клочья.

Разве жизнь весною была бы краше,
Если б их разбой сносил твою крышу?

Все спокойно, никто не разбудит ночью.
А ходить по клавише лапами нечего.

Что же вдруг тишиной по хребту подуло?
Вдруг они насовсем ушли, вот в чем дело.

А пойдём-ка, уж раз мы от них свободны,
По промокшим паркам, своим и бедным.

Ошалевшим, вороньим, многособачьим,
Где любые следы уведут с обочин.

Может быть, мы вернемся. Уже в апреле.
И зайдётся наша живность в аврале:

Как из авторов, одичавших сильно,
Повычесывать рифмы – недопустимые?

Ангелы

Ангелы, ангелы, спойте вместе со мной!
Столько радости на лугу цветет,
Столько радости в облаках плывет,
А в кустах там смотрит ежик, такой смешной.

Ангелы, ангелы, потанцуйте со мной!
Я хоть маленькая, а в хоровод могу.
Вместе весело, в хоровод же нельзя одной.
А нельзя – плохое слово тут, на лугу.

Ангелы, ангелы, возьмите меня летать!
Ну, пожалуйста, не говорите «нет».
Ой, как здорово... Ясно, и все видать!
Выше, выше – где башни, и этот свет!

